
НА ЗАПАД!

1

Польша... Новые места, новые люди. Еще год назад в это время полк находился на Кубани, а теперь он вместе с армиями 1 и 2-го Белорусских фронтов подходил к Висле. А какие вести приходили с других фронтов! Уже освобождена вся Западная Украина. Еще южнее войска генерала Толбухина подходили к Кишиневу. Москва ежедневно по три—четыре раза салютовала нашим победоносным войскам.

Польское население радостно встречало Советскую Армию.

В разоренные, полусожженные селения и города возвращались жители, угнанные фашистским командованием в тыл при наступлении советских войск. Они возвращались со своим домашним скарбом, гнали назад скот, отобранный у них гитлеровскими оккупантами, выкапывали зарытое в землю добро, принимались за восстановление своего хозяйства, работали на полях, огородах и в садах.

Это было выражением полного доверия к Советской Армии как армии-освободительнице. С приходом советских войск кончились мрачные дни фашистского бесправия и рабства на польской земле. Но фашисты еще не хотели мириться с крахом своей тирании. Они продолжали ожесточенно сопротивляться.

Естественные рубежи на полях Польши были превращены гитлеровцами в укрепленные «валы»: повсюду были долговременные укрепления, противотанковые рвы, минные поля, проволочные заграждения. Наши наземные части прогрызали сильно укрепленную оборонительную линию противника, шедшую по рубежам рек Вислы, Бобра, Буга и Нарева. Ночные бомбардировщики из дивизии Покоевого, в том числе и девушки-гвардейцы на «По-2», из ночи в ночь бомбили автотранспорт противника, скопления его войск на переправах.

В одну из таких ночей экипажу неразлучных подруг — Татьяне Макаровой и Вере Белик — посчастливилось первыми в полку пересечь границу Германии и сбросить свой бомбовой груз над Восточной Пруссией.

Это было их давнишней мечтой. Еще на Тереке, летая однажды на Моздок, Вера Белик проложила маршрут до границы Восточной Пруссии.

— Сколько километров? — спросила Таня Макарова.

— Если по прямой, то свыше двух тысяч, — ответила Вера.

— Да, немало, — вздохнула Таня. — Но ничего, надо потерпеть. Придет время — долетим и туда!

И долетели.

Макарова набрала высоту 1400 метров и оттуда с планирования пошла на цель. Вера Белик нажала на спусковой рычаг. Бомбы одна за другой обрушились на врага.

Никогда еще подруги, очень удачливые в боях, не были так счастливы, как в эту ночь: они били фашистов в фашистском зверином логове!.. Но это была одна из последних удач.

В роковую для подруг ночь, лунную, светлую, вражеский зенитный огонь был особенно силен. Самолет Макаровой и Белик вместе с десятью другими находился в воздухе за линией фронта в районе Остроленки.

Удачно отбомбившись, девушки возвращались на свой аэродром за новым грузом бомб. Но тут их настиг вражеский истребитель.

Наши пехотинцы видели, как в самолет «По-2» попал снаряд. Самолет загорелся. Пехотинцы наблюдали, как экипаж героически боролся с огнем, пытаясь сбить пламя, и как машина рухнула на нашей территории.

Днем на поиски выехали секретарь парторганизации полка Мария Рунт и капитан Зинаида Горман. По указанию пехотинцев они добрались до места падения самолета. Останки двух отважных летчиц были доставлены на базу полка.

Девушек-воинов, павших смертью храбрых, хоронили на аэродроме со всеми воинскими почестями. Вся дивизия провожала их в последний путь.

Когда кончился траурный митинг, командира дивизии генерала Покоевого вызвали на командный пункт.

— Радиogramма из штаба, — доложил дежурный.

Расшифрованная радиogramма содержала срочную боевую задачу, не терпящую какого бы то ни было промедления.

Генерал, поддавшись первому, привычному порыву, хотел было тотчас приказать об объявлении боевой тревоги, но слова замерли у него на устах. «Как быть? — подумал он. — Без боевой тревоги задачи во-время не решить, а сможет ли полк Бершанской сейчас пойти в бой, прямо от свежей могилы?».

Резко повернувшись, он направился на аэродром. Только что отгремел траурный салют. Девушки-летчицы, штурманы, техники, опустив головы, стояли вокруг небольшого могильного холмика, покрытого венками с алыми лентами.

Генерал, отозвав в сторону Бершанскую и Амосову, объяснил им обстановку, поставив вопрос прямо:



Самолет «По-2» с надписью «Мстим за боевых друзей»

— Как вы считаете, смогут ваши люди сейчас, в таком состоянии, пойти в бой?

— Конечно! — прозвучало в ответ решительно и твердо.

И кто-то добавил горячо:

— Будем бить фашистов!

Тотчас генерал передал в штаб дивизии приказ: «Поднять все полки по тревоге с вылетом на боевое задание».

Спустя считанные минуты самолеты взмыли ввысь.

Все экипажи полка достойно выполнили сложное боевое задание. За отличную боевую работу командующий наземной армией объявил благодарность гвардейцам-таманцам.

Своими мощными, стремительными ударами по врагу полк в этот день помог наступающей пехоте быстрее, ценой малой крови овладеть важными рубежами.

После того как Покоевой сообщил Бершанской о благодарности командующего армией, он, немного поколебавшись, сказал ей:

— А знаете, товарищ майор, положив руку на сердце, должен признаться, что за мной есть вина перед вами и всем вашим коллективом!

— Вина? — удивилась Бершанская — Какая?..
— Да вот... когда я узнал весной, что ваш полк хотят зачислить в состав моей дивизии, я, признаться, всяческими правдами и неправдами пытался избавиться от него.
— Почему же?
— Да, во-первых, мне казалось, что женщины-летчицы не могут быть хорошими воинами, а во-вторых, я думал, что в таком большом женском коллективе не может быть ни настоящей боевой дружбы, ни крепкой дисциплины.
— И что же? — спросила Бершанская уже с явной иронией.
— Каюсь, каюсь! Прямо скажу, — горячо ответил Покоевой, — коллектив у вас замечательный, крепко сколоченный, чудесный у вас боевой народ!..

2

Сентябрь в том году выдался в Польше жаркий. Знойные дни чередовались с проливными дождями. Несколько дней полк не имел боевых заданий. Летали только отдельные экипажи на разведку.

В полку занимались командирской учебой, физкультурой, играли в волейбол. В один из погожих дней были назначены прыжки с парашютом для тех, кто еще ни разу не прыгал.

Вот что записала в своем дневнике о первом прыжке с парашютом штурман Полина Петкилева:

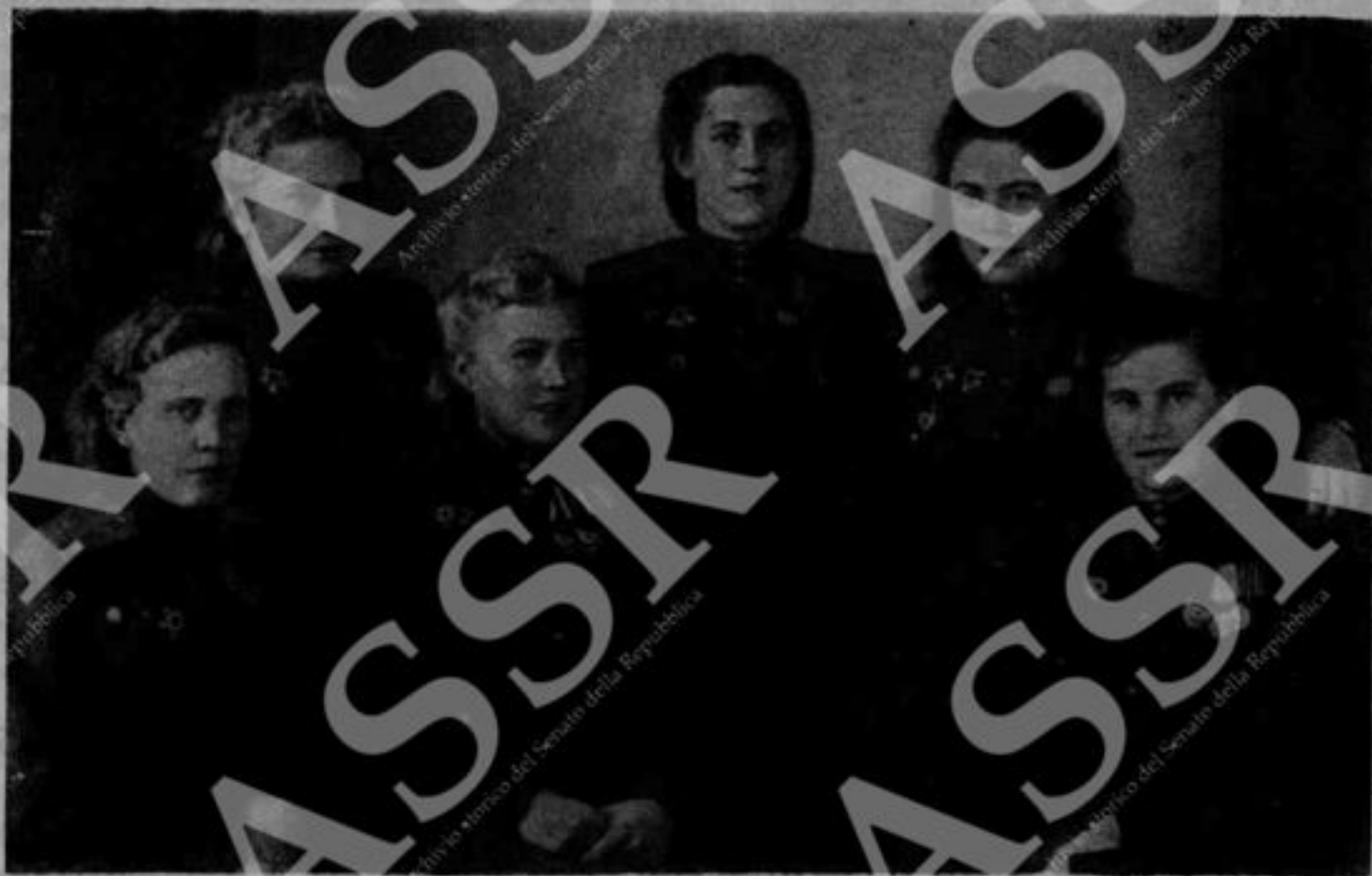
«— Подъем! — громко крикнула дежурная по части. — Быстро собирайтесь — и на машину!

Собралась полная машина. Больше половины — «болельщики». У всех приподнятое настроение.

Прибыли на аэродром соседнего авиаполка. Подъехали с песнями. Летчики еще спали. Громкими песнями мы подняли их с постелей. На аэродроме нас уже ждали инструктор, самолет и парашюты. Немного защемило сердце. Смогу ли я прыгнуть?

Проверили пульс. Оказался повышенным. Придется подождать, пока не придет в нормальное состояние. Все идет хорошо. Несколько человек уже прыгнули. Говорят, совсем не страшно, наоборот, даже очень приятно и интересно.

Впереди сидит Розова, сзади — я. Самолет пошел на планирование. Нехотя вылезла из кабины Розова с блуждающей улыбкой на лице. Она невнятно произнесла мое имя, села на плоскость и с широко открытыми глазами съехала вниз. Наконец очередь дошла и до меня.



Группа летчиков, авиамехаников и вооруженцев. Сидят: Т. Вахромеева, Р. Юшина, М. Ольховская; стоят: А. Пинчук, Л. Лошманова и Н. Студилина

«Прыгну, обязательно прыгну... как бы ни было страшно», — уговариваю я себя. Внизу все смотрят, ожидают. Слышу команду летчика: «Прыгай!». Я повернулась к нему лицом и прыгнула.

Руки невольно потянулись к кольцу у вытяжного троса. Но вдруг вспомнила, что на мне парашют-полуавтомат. Вот он уже и раскрылся. Стало неудержимо весело. Я засмеялась и так громко, что даже смутилась. До чего красиво кругом! Над головой — белый купол парашюта, внизу — безграничное зеленое поле и маленькие фигурки людей, как-то смешно передвигающихся.

Спускалась очень медленно благодаря своему малому весу. Приземлилась хорошо, по всем правилам, как учил инструктор. Навстречу бежали девушки, наперебой поздравляли с первым прыжком.

Захотелось прыгать еще и еще. Мне казалось даже мало обыкновенного прыжка, захотелось прыгнуть затычным, чтобы продлить удовольствие.

Какое это волнующее, захватывающее ощущение — свободное падение! Словами его не передать. Это нужно испытать самому.

Перед бурей бывает затишье. Относительное затишье, наступившее на участке фронта вдоль реки Нарев, было предвестником предстоящих крупных событий. Великая армия-освободительница готовилась к штурму германской границы.

В течение длительного периода (сентябрь 1944 года — январь 1945 года) оперативные сводки Совинформбюро с этого участка фронта сообщали главным образом о боях местного значения. В ходе этих боев наши войска отбивали у врага отдельные укрепленные пункты, села, хутора, захватывали пленных, танки, орудия, пулеметы, расшатывали оборону гитлеровцев.

В боях местного значения участвовал и гвардейский женский полк. Действовал он в тот период не регулярно, как было, например, на «Голубой линии» или под Севастополем, а время от времени. Выдавались отдельные ночи и даже целые недели, когда полк наносил удары врагу всеми своими самолетами. Но случалось и так, что он неделями не воевал — то из-за плохой погоды, а то потому, что не было заданий.

Полк базировался в небольшом местечке Далеке, заняв усадьбу бежавшего помещика. В свободные от боевой работы дни производились тренировочные полеты, изучалась карта района будущих военных действий, усиленно шли теоретические занятия и политическая подготовка. Это был, как говорят ветераны полка, «последний академический период» в его жизни.

К этому времени полк значительно пополнился свежими силами. Старый кадровый состав летчиков и штурманов, начавший свою боевую деятельность еще на Дону, теперь занимал командные должности.

Молодые летчики и штурманы, воспитанные на фронте, успешно приумножали боевую славу полка. В штабном журнале подробно регистрировалась боевая работа полка, с конца лета 1944 года все чаще мелькали имена новых летчиков — Серебряковой, Рыльской, Тепикиной, Юшиной, Олейник; новых штурманов, переквалифицировавшихся из механиков и вооруженцев, — Голубевой, Студилиной, Яковлевой, Петкилевой, Пинчук, а также Лошмановой, Реуцкой и многих других, пришедших в полк, уже имея штурманскую подготовку.

Технический состав полка — его техники, механики и вооруженцы — под бессменным руководством инженеров-коммунистов Озерковой, Стрелковой и Илюшиной достиг высокого мастерства и заслуженно пользовался отличной репутацией. Самоотверженному труду техников полк был обязан тем, что материальная часть работала безукоризненно в самых сложных и трудных условиях.

Насколько выросли в боях вооруженцы, можно было судить по Зине Вишневой. Давно минули времена, когда она впадала в отчаяние от того, что «ничего не знает»; теперь, спустя два года после прихода в полк, она уже

была старшим техником эскадрильи, мастером своего воинского дела. Старшим техником стала Лида Гогина, которая пришла в полк студенткой Педагогического института.

Механики самолетов, как и вооруженцы, работали самоотверженно. Им нередко приходилось проводить на аэродроме по двенадцати—тринадцати часов подряд, обслуживая за ночь от семи до десяти вылетов. Наиболее опытные механики — Рудакова, Радина, Лядская, Калинкина, Евполова — управлялись одновременно с двумя самолетами.

Летчицы и штурманы не скупились на похвалы своим верным боевым соратникам — техникам, механикам и вооруженцам. Командование высоко ценило их боевые заслуги.

Первыми среди лучших и на аэродроме и в воздухе были коммунисты. Партийная организация насчитывала к тому времени около ста пятидесяти коммунистов вместо двадцати в начале фронтовой жизни полка.

Об успехах женского гвардейского авиационного полка его командир гвардии майор Бершанская получила возможность рассказать всей стране с трибуны Четвертого антифашистского женского митинга, состоявшегося в Москве в августе 1944 года. На этом митинге полк был представлен также гвардии капитаном Смирновой и гвардии старшим лейтенантом Гельман.

Когда на трибуну зала имени Чайковского поднялась стройная, высокая женщина в военной форме, с орденами — Евдокия Давыдовна Бершанская, весь зал разразился бурными аплодисментами. Ярко и красочно рассказала она на митинге о боевых буднях полка. Она нарисовала картину боевой ночи. Дождь, порывистый ветер. Черное небо прочерчивают огненные пунктиры трассирующих пуль. Из мрака доносится отдаленный рокочущий гул боя. Туда, на помощь нашим наземным частям, один за другим уходят легкие бомбардировщики с женскими экипажами...

— Наступление продолжается, — закончила Бершанская свою речь. — Впереди еще ряд напряженных боевых ночей. Красная Армия идет вперед, и вместе с ней наносят удары врагу отважные летчицы женского ночного легкобомбардировочного полка. Вместе со всей армией он выполнит свой долг до конца и дойдет до фашистского логова.



Авиамеханик Антонина Рудакова

И снова ливень аплодисментов, приветственные возгласы в честь героинь-авиаторов.

В перерыве группа иностранных корреспондентов окружила Машу Смирнову, тоненькую розовощекую девушку, на которой военная форма сидела как-то особенно изящно. И тут один из журналистов сказал другому на английском языке, полагая, что его не поймут:

— Нацепили на девушку ордена и думают кого-нибудь обмануть.

Пришлось показать этому маловеру летную книжку Смирновой, чтобы он мог убедиться, что пригожая советская девушка, награжденная орденами Красного Знамени, Красной Звезды и Александра Невского, совершила около восьмисот боевых вылетов и сбросила на вражеские мотомеханизированные части около двухсот тысяч килограммов бомб.

4

В дни затянувшегося «академического» периода в Далеке у девушек оставалось больше, чем обычно, свободного времени. И неожиданно началось всеобщее увлечение вышиванием.

Спрос на цветные нитки был колоссальный. Их доставали всяческими способами: выписывали из Москвы, распарывали цветное трикотажное белье, старые вязаные кофточки — и собирали нитки в клубки.

Вышивали преимущественно коврики, подушечки, салфетки, занавески. Доставали рисунки: букеты цветов, незабудки, фиалки, маргаритки...

«Это была немножко смешная болезнь, но ею переболели почти все», — вспоминает Ирина Ракобольская.

Вот что она писала родным из Далеке:

«Здесь значительно спокойнее, чем было северо-восточнее Минска, когда добивали, уничтожали окруженную группировку фашистов, а они бежали по лесам, по ржи, выползали неожиданно из кустов с поднятыми руками или с наведенными автоматами, обозленные, страшные...

Живем с Аней Елениной в палатке, спим на сене, дышим чистым воздухом. Уже созрели яблоки, брюква. Чувствую себя хорошо, даже гимнастерку летнюю сама себе переделала...

У меня к тебе очень важная просьба: прислать мне цветных ниток, а если бы могла, — сделать подарок нашим женщинам и прислать побольше. Наши девушки за каждую ниточку душой болеют, каждую тряпочку используют для вышивания. Сделаешь большое дело, и все будут очень благодарны...

«...Пишу Вам почаще, пока еще много свободного времени. Закончила вышивку незабудок. Начинаю букет из васильков и ромашек.

Девушки организовали хор и пляски. Тащат меня на «просмотр» моих художественных способностей!

А сегодня после обеда у нас образовалась компания: я сижу с незабуд-

ками, Бершанская—за розами крестом (впервые в жизни), Анька¹ вышивает маки, а Ольга² читает нам вслух. Ну, прямо, посиделки, а не кабинет!».

Но эти «посиделки», когда понадобилось, уступили место боевым ночам.

Когда в октябре, после затишья, возобновились ожесточенные бои в районе северо-западнее Варшавы, полк с воодушевлением возобновил свою боевую работу. Время было непогожее, часто лили дожди, иногда туманы застилали подходы к цели, но экипажи находились в воздухе по восьми—десяти часов в сутки, громя врага.

В некоторые из октябрьских ночей полк делал больше чем по двести вылетов. Непрерывным ударам с воздуха подвергались неприятельские склады с боеприпасами и горючим, автомашины, прожекторы, зенитные батареи в районах Остроленки, Цеханува, Пултуска, Рожан, Макува.

Однажды в эту пору туман неожиданно застал аэродром. Часть экипажей, находившихся в воздухе, вынуждена была приземлиться на соседних аэродромах, расположенных недалеко от линии фронта.

Летчики Пискарева, Рыльская, Тепикина приземлились на своем аэродроме, ориентируясь только на мгновенную вспышку ракеты, прорезавшую туман.

Запомнилась еще и та октябрьская ночь, когда облака нависли так низко, что летать под их нижней кромкой было невозможно. Лишь немногие экипажи — Никулиной, Поповой, Чечневой, Смирновой, Себровой, Худяковой — отправились в полет, чтобы работать вслепую, бомбить из-за облаков.

Самолеты один за другим уходили во мглу, набирали высоту, безопасную для бомбометания, и по расчету времени сбрасывали на врага свой бомбовой груз. Это были трудные полеты. Каждый экипаж сделал в ту ночь по три вылета, и все они, как показали данные разведки, дорого обошлись врагу. Недаром летчики-девушки прославились на фронте как мастера слепого вождения самолетов.

¹ А. Еленина.

² О. Фетисова.



Авиамеханик Елена Евтолова

26 октября 1944 года в полку получили Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Марии Смирновой, Евдокии Никулиной, Евдокии Пасько и посмертно Евгении Рудневой.

Это было большим праздником для всех.

До этого в рядах полка значился один Герой Советского Союза — Евдокия Носаль, получившая посмертно высокое звание Героя. Теперь в полковых списках стало пять Героев Советского Союза.

Евдокия Андреевна Никулина и Мария Васильевна Смирнова пришли в полк рядовыми летчиками. Закалившись в боях, они успешно возглавили эскадрильи.

В эскадрилье, которой командовала Никулина, были такие замечательные летчики и штурманы, как Евгения Руднева, Галя Докутович, Надя Попова, Ирина Себрова, Наталья Меклин, Рая Аронова и другие. Все они уважали своего командира за мужество и опытность, любили за сердечность. Строгая и требовательная на службе, она в часы досуга привлекала своей жизнерадостностью, радушием. Дина, как звали ее подруги, была первой в спортивных соревнованиях и играх, в плясках и танцах. Когда после ранения на «Голубой линии» она не могла танцевать, вдруг обнаружилось, что она хорошо поет.

Под руководством Никулиной эскадрилья сделала около шести тысяч вылетов и сбросила на врага свыше восьмисот тысяч килограммов бомб разного калибра, разбросала во вражеском тылу более трех миллионов листовок. Эскадрилья Никулиной уничтожила больше трех батальонов гитлеровской пехоты, много сот прожекторов, автомашин, складов с оружием и горючим. На боевом счету самой Никулиной — семьсот боевых вылетов. Их, конечно, было бы значительно больше, если бы ранение не вывело ее временно из строя в разгаре боев. Ни тяжелые метеорологические условия, ни зенитный огонь — ничто не мешало ей наносить сильные удары по врагу.

Мария Васильевна Смирнова возглавляла замечательный коллектив другой авиаэскадрильи. Здесь выросли такие опытные и отважные летчики и штурманы, как Пасько, Худякова, Парфенова, Сыртланова, Жигуленко, Распопова, Ульяненко. Все они впоследствии также удостоились высокого звания Героя Советского Союза.

В характере Марии Смирновой, в ее командирской манере было нечто общее с командирской манерой Е. Д. Бершанской. Так же, как и Бершанская, Смирнова была тверда, строга и требовательна и в то же время, несмотря на свою молодость, неизменно спокойна, выдержанна и тактична. Она никогда не вносила в боевую работу нервозности. Все девушки помнили, как на Дону при быстрых перебазировках с площадки на площадку Смирнова первой стала брать в свой маленький двухместный самолет по три, по четыре

пассажира. Она летала неустойчиво и бесстрашно. К моменту присвоения ей звания Героя Советского Союза она сделала 805 ночных боевых вылетов, нанесла серьезный урон врагу.

И Никулина и Смирнова были коммунистами, воспитывавшими подчиненных и личным примером и убеждающим, страстным словом великой правды наших дел, коммунистической идеологии.

Из числа штурманов первой удостоилась высокого звания Героя Советского Союза верная подруга Жени Рудневой, с которой они вместе пошли на фронт, Дуся Пасько.

Бывшая студентка МГУ, гвардии старший лейтенант, штурман авиаэскадрильи Евдокия Борисовна Пасько к тому времени сделала 780 боевых вылетов и налетала на фронте 1040 часов. Вместе со своими командирами Зоей Парфеновой и Машей Смирновой она активно участвовала во всех боях, которые вел полк, начиная с Дона и кончая освобождением польской территории.

«...И вот в городе Липецке, куда меня послали учиться, я была на вечерелетчиков в честь 27-й годовщины Октября, — вспоминает Дуся. — После концерта начались танцы. Я хочу танцевать, а ко мне все подходят и поздравляют.

Я думаю — поздравляют с праздником и говорю «спасибо».

Сначала от души говорю, а потом и сердиться стала: что такое, думаю, нарочно не хотят мне дать потанцевать, все время отрывают?

Так и сказала одному из наших слушателей. А он только глаза широко раскрыл да головой покачал.

— Ну, знаешь... А мы думали, что ты человек скромный!

— При чем здесь скромность? Разве с праздником нельзя поздравить минутой позже?

— Да тебя же поздравляют со званием Героя!..

Я не поверила, мне это казалось невероятным.

А наутро то, что мои товарищи узнали по радио, подтвердил свежий номер «Правды».

И не было у меня слов, чтобы выразить свою благодарность Родине, свою любовь к нашему полку, который воспитал в огне всех нас...».

6

Полк готовился к празднованию 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Великий Октябрь. Как много говорили эти слова сердцам патриоток-летчиц! Они знали, что именно Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. В славных победах советского

народа на полях битв против фашистских захватчиков они справедливо видели плоды исторической победы трудящихся нашей страны. Седьмого ноября 1917 года было положено начало строительству нового общества, мира свободного труда и счастья.

Все летчицы, вне зависимости от возраста, чувствовали себя наследницами и продолжательницами бессмертного дела тех героев, которые под знаменем Ленина, под руководством Коммунистической партии в незабываемом 1917 году впервые в мире свергли извечную тиранию эксплуататоров, взяв власть в свои руки.

Тем светлее, радостнее была для девушек-воинов 27-я годовщина Октября, которую они, вместе со всей страной, встречали новыми победами. Десять сокрушительных ударов, нанесенных Советскими Вооруженными Силами врагу в течение минувшего года, приблизили полный крах фашистского режима. Миллионам людей, поработанных гитлеровцами, наши воины уже вернули свободу. Теперь дело шло о том, чтобы добить фашистского зверя в его собственном логове.

Надо ли удивляться, что дорогую душе Октябрьскую годовщину полковая семья встретила на этот раз особенно торжественно, радостно, весело!..

Старую помещичью усадьбу в Далеке разукрасили флагами, плакатами, зеленью. Подготовили литературно-художественный монтаж на тему «Письмо с фронта». Главным действующим лицом в этом монтаже был почтальон.

Приход почтальона вносил большое оживление в будни полковой жизни. Писем ждали все — от родных, друзей, знакомых. Приходили письма и от мало знакомых и даже совсем незнакомых поклонников, случайно увидевших в газете или журнале фотографию девушки-гвардейца, прочитавших заметку о ней. А таких фотографий и заметок в армейской печати появлялось тогда много.

Эти особенности фронтовой жизни, всевозможные переживания, связанные с получением очередной почты, и были обыграны в монтаже, подготовленном для праздничного вечера. Это было веселое обозрение. По ходу действия в нем участвовал смешанный хор девушек и летчиков-мужчин, приглашенных на праздник.

Сели за праздничные столы. Открылся бал, затянувшийся до поздней ночи. С интересом смотрели остроумное обозрение. Смешанный хор исполнял популярные песни. Потом начались танцы. Было весело, как никогда.

— Где мы будем в будущем году в это время, как ты думаешь? — спрашивали девушки друг друга.

— Уж, конечно, не на фронте, а дома. Но где бы мы ни были — душой будем вместе!

Через несколько дней после праздника Ирина Ракобольская писала своим родным:

«...Верим, что этот последний и решающий удар скоро вернет нас к себе домой. Вы не придумали еще для меня специальности? Мне хочется знать Ваше мнение, а то вдруг сразу: «Идите, куда хотите»... и растеряешься».

Но на пути к победе было еще много битв.

7

Лида Демешева проснулась во второй половине дня, как всегда после ночных полетов, и, раскрыв глаза, ощутила, что произошло что-то необычайное, очень хорошее.

Не поняв сразу, откуда это ощущение, она оглянулась. В комнате было светлее, чем обычно, а оконные стекла, казалось, сверкали.

— Девочки, снег, снег!.. — закричала Лида, рывком бросившись с постели к окну.

Мгновенно поднялась вся эскадрилья. Прижавшись лицом к оконным стеклам, девушки с жадным любопытством, с ребячьей радостью и гомоном смотрели на первый снег.

Сами собой вырвались у Лиды памятные с детства строки Пушкина:

Зима. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь,
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь...

И тотчас другая девушка как бы ответила на это со вздохом:

— А все-таки до чего ж тосковались мы по дому, по родной земле!..

И хотя на первый взгляд в таком ответе было мало логики, все ее поняли: да, снег так обрадовал их именно потому, что от него веяло дыханием родных краев — саратовских и московских, ставропольских и казахстанских...

Конечно, в народной Польше им многое было дорого, близко, их встречали, как сердечных друзей. Но душа тосковала по Родине, и тоска эта делала их еще злее в бою — ведь путь домой лежал только через полную и окончательную победу на Западе!

Декабрь порадовал девушек не только снежным ковром, пусть и тонким, недолговечным, — с первых декабрьских дней ноябрьское затишье на этом фронте сменилось активными боевыми действиями.

Снова пошли «ночи-максимум», когда на аэродроме только и слышалось: «Бензозаправщика!», «Бомбы!» и время от времени: «Ужин!» — время от времени потому, что многие в боевом азарте забывали поесть, считая, что это успеется, с этим можно подождать.

Что ни ночь, на боевой счет девушек-авиаторов заносились новые удары

по врагу, по его позициям и укрепленным пунктам, коммуникациям и складам горючего, боеприпасов.

Вылетая однажды декабрьской ночью, Валя Пустовойтенко и Люба Мищенко имели скромное задание — сбрасывать осветительные бомбы на участке, где пехота шла в атаку. Но на всякий случай девушки захватили с собой и фугасные бомбы.

Успешно выполнив задание, они углубились во вражескую зону. Курс — в район ближнего тыла фашистских войск.

Валя напряженно всматривалась в ночную тьму, окутавшую землю. Где-то здесь, по расчету времени, должны быть крупные войсковые склады. Внизу мигнул огонек. Погас один — мелькнул другой...

Она прицелилась и сбросила бомбы.

Тотчас прогремел взрыв, к небу метнулось пламя. Зарницы пожара долго были видны девушкам, когда они полетели к своим.

Наземные войска сообщили, что легкий ночной бомбардировщик взорвал вражеский склад с горючим. За этот меткий удар с воздуха Валя Пустовойтенко была награждена орденом Славы III степени. Через несколько дней ей присвоили звание младшего лейтенанта.

Ветераны полка радовались успехам молодежи, справедливо видя в этих успехах и выражение силы, нерушимости славных полковых традиций.

Борьба продолжалась с неослабевающим напряжением. На важнейших участках фашисты сосредоточили много зенитных орудий, прожекторов. В районе одного лишь укрепленного пункта врага, подле станции Носельск, летчики насчитали 34 зенитных установки.

Наши авиаторы, в том числе гвардейцы-таманцы, взаимодействуя друг с другом, выводили из строя фашистские прожекторы и орудия: в то время, когда враг сосредоточивал огонь по первому появившемуся самолету, другие, прилетевшие вслед за ним, атаковали зенитчиков. Методы боевого взаимодействия экипажей, разработанные в женском авиационном полку, были одобрены командованием и стали применяться всей дивизией.

8

В ночь на 13 декабря полет Ольги Санфировой и ее неизменного штурмана Руфины Гашевой завершился трагически.

Самолет Санфировой—Гашевой успешно выполнил боевую задачу: бомбы легли прямо в цель. Отлетая от Носельска, авиаторы слышали взрывы — значит попали, все в порядке.

Экипаж вышел из лучей прожекторов и стал приближаться к линии фронта. Тут начался сильный обстрел с земли. Зажигательный снаряд попал

в бензобак. Самолет загорелся, но Санфирова продолжала «тянуть» его на свою территорию.

Вот они уже за линией фронта. Огонь лижет фюзеляж. Леля командовала:

— Прыгать с парашютом!

Они вылезли на плоскости и на мгновение стали друг против друга.

Звезды скрылись за облаками. Внизу — беспросветная темень, словно бездонный колодезь. Багровые клочья лучей от горящего самолета колышутся на кромке низко нависшей тучи.

Руфина прыгала с боевым парашютом первый раз. Парашют раскрылся почти у самой земли. Было мгновение, когда она считала себя погибшей.

Как только Руфина почувствовала под собой землю, она отстегнула парашют, быстро сняла очки, чтобы стекла не отсвечивали, и поползла. Лели Санфировой не было. Ее, очевидно, отнесло ветром.

Обе девушки приземлились в нейтральной полосе, в восьмистах метрах одна от другой.

Гашева хотела определить, где восток, но как это сделать в абсолютной темноте, когда нельзя головы поднять из-за стрельбы? Стала следить за прожекторами — она знала, как работают наши и как вражеские прожекторы. Так определила направление и поползла дальше.

Ползла и все время натыкалась на что-то твердое, торчащее из земли. Мелькнула мысль, обдав ледяным холодом: «Мины!..».

Это действительно были противотанковые мины.

Руфине подвернулась под руку какая-то палка. Она швырнула ее вперед и поползла за ней. Еще раз швырнула и поползла дальше.

Так добралась до колючей проволоки. Попробовала пробраться — трудно! «В комбинезоне не пролезть. Раздувает, как шар», — подумала она. Вдобавок при спуске с парашютом она потеряла унты. Усилившаяся стрельба заставила ее теснее прижаться к земле.

Лежа, она смотрела в темноту. Вдруг услышала голоса, увидела группу людей, бегущих по направлению к парашюту. Но кто они — наши или фашисты?

Когда услышала русскую речь, поднялась во весь рост. К ней подбежали минеры.

— Давай сюда, родная! — крикнул один из них хриплым от волнения голосом и, подхватив Руфину на руки, перенес через проволоку. Потом снял с себя сапоги, надел на нее и повел на командный пункт.

Отсюда наши бойцы видели, как подбили самолет, как он падал, объятый пламенем, как раскрывались парашюты....

Гашеву обступили, каждый старался ободрить ее ласковым словом. И вдруг кто-то тихо сказал:

— А ваша подружка на минах подорвалась...

Руфина оцепенела. Почти потерявшую ощущение жизни, ее отвели в землянку генерала, командира дивизии. Там за ней стала ухаживать санитарка.

— Покупайте, успокойтесь, ложитесь спать, — уговаривала санитарка.

Гашева отказывалась от еды и питья. Чтобы заставить ее хоть немного подкрепиться, генерал, видя, что она находится в состоянии психической травмы, сказал командным тоном:

— Приказываю пить!

Она глотнула и даже не почувствовала, что ей дали. В голове стучала одна мысль: «Леля, Леля!..»

Утром с КП послали разведчиков отыскать и вынести Лелю Санфирову. По всем данным, приземлившись, она также услышала русскую речь, пошла навстречу нашим бойцам и тут-то наступила на противотанковую мину. Взрыв нанес ей смертельные раны.

Когда боец с телом Лели на руках приблизился к окопам, все, кто были здесь, молча сняли шапки: без слов было ясно, что жизнь ее оборвалась.

Ольгу Санфирову хоронили на советской земле, в городе Гродно. Тысячи воинов и жителей города склонили головы, прощаясь с мужественной патриоткой, павшей в борьбе с врагами Родины.

Девушки тяжело переживали эту потерю. С мыслью о Леле они летели навстречу новым опасностям, не обращая на них внимания, охваченные одним всепоглощающим стремлением — как можно больнее, крепче бить подлого врага, навязавшего войну, залившего землю кровью наших людей.

Тем временем наступление, наших войск развертывалось все шире.

Всем ветеранам полка особенно запомнилась одна декабрьская ночь 1944 года.

В эту ночь, поддерживая наступление наших наземных войск в районе реки Нарев, полк сделал 324 боевых вылета — больше чем когда бы то ни было. Экипажи провели в воздухе в общей сложности 265 часов.

Женщины-гвардейцы оставили далеко позади все другие полки ночных бомбардировщиков, также участвовавших в наступлении.

К этой ночи полк тщательно подготовился. Политработники и командиры эскадрилий лично беседовали с каждой девушкой, разъясняли задачу. Решили не только сделать самое большое число вылетов, но и брать как можно большую бомбовую нагрузку. Днем провели проверку: для взлета требовался большой разбег, высота полета снижалась до 800—600 метров. Чтобы облегчить вес, брали меньше бензина, если расстояние до цели было невелико. Все это обеспечило успех.

Экипажи Чечневой—Клюевой, Поповой—Гашевой, Никулиной—Рябовой сделали по восемнадцати вылетов. Ароновой—Гельман, Серебряковой—Демешевой, Меклин—Реуцкой — по шестнадцати. По двенадцати—тринадцати вылетов совершили экипажи Парфеновой, Жигуленко. Немногим отстали от них и все остальные экипажи.

Девушки нанесли сокрушительный удар врагу: был подавлен огонь трех артиллерийских и одной минометной батарей, вызвано десять взрывов большой силы, пожары в узлах обороны фашистов озарили небо на большом пространстве.

Блестяще работали в ту ночь вооруженцы под руководством Надежды Александровны Стрелковой. Одна из них, Глазкова, недавно прибывшая в полк, писала наутро в своем дневнике:

«Нам предстояло работать с запасного аэродрома. Быстро собрались, поехали, всю дорогу спешили, чтобы не опоздать. Приехали как раз тогда, когда первый самолет пришел на посадку.

Прежде чем начать работу, разбились на тройки. Инженер Стрелкова дала последние указания, и мы начали подвеску бомб. Здесь я впервые узнала, что значит работать ночью. Работа происходила исключительно организованно. Бомбы подвешивались быстро. Чувствовалась сработанность коллектива.

Девушки как будто и не спешили, но все спорилось в их руках. Я очень удивилась, когда так же быстро подвешивались «сотки», хотя, казалось, вручную эти тяжелые бомбы таким хрупким девушкам поднять не хватит сил.

Я старалась не отставать от своих новых подруг. Присматривалась к каждому их движению, прислушивалась к их советам. Иногда, когда бомба почему-либо долго не подвешивалась, мне казалось, что в этом виновата я, что это я неумело взяла бомбу, что это я торможу работу нашей тройки. Иногда получалось и так, что я теряла свою тройку, так как хорошо еще девушек не знала. Они в этой ночной темноте, в своих рабочих куртках и шапках, подвижные и веселые, были очень похожи друг на друга. Они быстро переходили от одного самолета к другому. К концу ночи я стала привыкать и к девушкам и к своей новой работе.

Хотя бомб подвешивалось очень много, я в эту ночь не чувствовала усталости. Настроение было приподнятое. Ведь сегодня я впервые сама участвую в боевой жизни прославленного полка!



*Герой Советского Союза
штурман Екатерина Рябова.
Совершила 890 боевых вылетов*

Стало как будто светлее, близок рассвет, но наши боевые экипажи не обращают на это внимания, — они спешат, стараются как можно больше сделать вылетов. «Бомбы! Вооруженцы!» — слышим мы сразу голоса с разных сторон. Работаем еще быстрее, и самолеты один за другим уходят в предрассветную мглу.

Уже совсем светло. Работа закончена. В воздухе гул моторов постепенно затихает. Слышу команду: «Весь личный состав на КП!».

Собрались все — летчики, штурманы, механики, вооруженцы. За отличную боевую работу объявляется благодарность. Сделано 324 боевых вылета».

Зина Вишнева, ветеран полка, старший техник звена, вспоминает:

«В эту ночь все работали как никогда. Откуда только силы взялись!

Несмотря на мороз, сбросили шинели, работали в куртках, усталости не чувствовали. «Сотки» казались нам весом вдвое, а то и втрое меньше, незаметно для себя поднимали их быстро, все делали молча, от самолета к самолету не ходили, а бежали, освобождавшиеся спешили на помощь другим, и самолеты снаряжались менее чем в одну минуту.

В подвеске и снаряжении бомб не было обнаружено ни одного недостатка, все делалось точно и аккуратно. Каждая девушка в эту ночь подвесила не меньше чем по три тонны бомб».

В числе бомб, сброшенных в эту ночь на врага, было немало трофейных, или, как называли их вооруженцы, «фрицевских».

Трофейных бомб накопилось очень много, особенно после взятия Минска. Надо было их пустить в дело. Но наши взрыватели не подходили к немецким бомбам. Стрелковой пришла мысль приспособить их. Техники-вооруженцы Гогина, Вишнева, Логачева, Марина помогли решить эту задачу и затем стали со вкусом выводить мелом на стабилизаторах «Бьем вас вашими же бомбами».

Вклад полка в великое дело освобождения Польши был весьма значителен. По несколько сот боевых вылетов полк сделал в районе Ломжи, Остроленки, Цеханува, Рожан, Носельска, превращенных фашистами в мощные узлы обороны. На один Макув, где основательно укрепились гитлеровцы, было произведено 1480 боевых вылетов.

